

Обустройство России: вызовы и риски

ШАБРОВ Олег Федорович — доктор политических наук, профессор; заведующий кафедрой политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, президент Академии политической науки (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 84; oshabr@mail.ru)

МОДЕРНИЗАЦИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Аннотация. В статье рассматривается проблема модернизации в новых исторических условиях, возникших на рубеже XX и XXI вв. Это борьба за мировую гегемонию между США и выходящим на лидирующие позиции Китаем, растущие амбиции транснациональных корпораций и международных финансовых центров, истощение природных ресурсов, превращение выборов из института политического представительства интересов в механизм манипулирования общественным сознанием и способ легитимации политической власти. Уточняется понятие политической модернизации. Автор делает вывод, что в сложившихся условиях в эпоху Постмодерна западное общество, сформировавшееся во второй половине XX столетия как привлекательный образец, не только исчерпало свой лидерский потенциал, но и подвело человечество к опасной черте. Новым привлекательным образцом, обществом модерна XXI в. может стать китайская модель. Россия также способна пойти путем новой первичной модернизации.

Ключевые слова: общество модерна, модернизация, Постмодерн, природные ресурсы, транснациональные корпорации, потребительское общество, информационное общество, демократия, культура

Сегодня почти уже предана забвению нашумевшая когда-то казавшаяся знаковой статья президента России Дмитрия Медведева «Россия, вперед!», опубликованная 10 сентября 2009 г. в интернет-издании «Газета.Ru»¹. В ней был обозначен модернизационный вектор изменений, понимаемый как движение к «современной», западной модели социальной организации фактически во всех сферах российского общества, включая политику. Проблема эта активно дебатировалась в экспертном сообществе, однако спустя несколько лет все свелось к образованию нескольких десятков фейковых партий и возвращению прямых выборов глав региональных администраций, «уравновешенных» муниципальным фильтром. Одновременно уходят в прошлое прямые выборы глав городского самоуправления. Тема политической модернизации практически ушла из повестки дня.

Можно, конечно, и не без основания, упрекнуть правящий класс нашей страны в нежелании «поделиться властью», авторитарных амбициях и других прегрешениях. Но современные политические реалии дают основание задуматься также о мере применимости устоявшихся критериев оценки происходящего, в т.ч. об определении направленности политических изменений и критериях оценки этих процессов. Повод для сомнений дает уже само формальное несоответствие понятия модернизации в смысле перехода к обществу модерна и получившего распространение понятия постмодерна, применяемого для характеристики современной эпохи. Не стоит ли за призывами к модернизации стремление повернуть движение вспять, в XX в.?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уяснить принципиальное отличие современной эпохи, причин, побудивших ввести понятие постмодерна, чтобы это отличие отобразить. Оно есть, и не одно.

Наиболее очевидное из них — завершение очередного цикла мировой гегемонии и постепенная, но неуклонная утрата лидерства Соединенными Штатами Америки, обретенного ими по итогам Второй мировой войны. Распад Советского Союза не обеспечил им безоговорочное мировое господство: как это бывает в беге на длинные дистанции, будто из-за спины павшего советского гиганта

¹ Медведев Д. 2009. Россия, вперед! Дмитрий Медведев обратился к нации. — *Газета.ru*. 10.09.2009. Доступ: https://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (проверено 07.10.2017).

вышел Китай, обретший неожиданно высокую экономическую динамику. Еще в 1992 г. ВВП Китая составлял менее четверти ВВП США, а в 2014 г. экономика Китая, по оценке Международного валютного фонда, опередила американскую по ВВП, пересчитанному в доллары по паритету покупательной способности [Сухаревская 2014]. Два года спустя журнал *Forbes* публикует прогноз, согласно которому вклад Китая в мировой ВВП превзойдет вклад США к 2018 г. [Patton 2016]. Одной из особенностей XXI в., проявляющихся наиболее наглядно, является все более откровенный передел сфер влияния между Китаем и США.

Такого рода переделы в истории — не новость. Приходили и уходили Испания, Нидерланды, Великобритания... Теперь, похоже, пришел черед США. Но два принципиальных момента отличают современную мировую перестройку от всех предшествующих.

Первое: о своих претензиях на роль глобального правителя все более откровенно заявляет новый коллективный игрок — транснациональные корпорации (ТНК) и мировые финансовые центры (МФЦ). Начавшийся в 2008 г. экономический кризис, названный «великой рецессией», обнажил, помимо прочего, одно из ключевых противоречий современного мира — между государственным суверенитетом и глобальными масштабами современной экономики. Сегодня около половины мирового промышленного производства и две трети внешней торговли приходится на долю транснациональных корпораций, и процесс глобальной концентрации ресурсов неумолимо продолжается. Во все предшествующие эпохи передел сфер влияния происходил, прежде всего, между государствами, и только религиозные институты в определенные периоды вмешивались в этот процесс. Сегодня уже многие авторы рассматривают влияние ТНК на государственное управление как свершившийся факт [Войтоловский 2005: 92-98; Кочетков 2015: 95-108].

Наглядный пример тому — развернутая в США беспрецедентная кампания по дискредитации Д. Трампа. Мало кто придал должное значение одному из его предвыборных обещаний, выполненному в первые же дни после инаугурации — о выходе США из Транстихоокеанского торгового партнерства. А ведь оно ущемляло суверенитет не только каких-то государств «третьего мира», но и самих Соединенных Штатов Америки, которые в соответствии с этим договором должны были бы подчиняться вердиктам надгосударственных «корпоративных трибуналов». Американские эксперты откровенно били тревогу по этому поводу [Trump to withdraw... 2016; Elbel 2017]. *America first* — этот фирменный лозунг Д. Трампа противопоставил ее не только Китаю, Европе, России, но также ТНК и МФЦ, которые вплотную подошли к установлению глобального диктата, к превращению национальных государств в операторов реализации собственных интересов.

В этой связи нельзя не задаться вопросом: если понимать под модернизацией переход к модели политического устройства государства западного образца, способно ли такое государство противостоять давлению ТНК, да и позволят ли ТНК сохранить такую модель на Западе или воспроизвести ее в России?

Второе: все предшествующие «мировые перестройки» происходили в условиях относительного экологического баланса. В нынешнюю эпоху передел сфер влияния происходит на фоне исчерпания природных ресурсов. Еще в 1972 г. многонациональная группа исследователей под руководством ученого из США Д. Медоуз представила в Смитсоновском университете США нашумевший тогда коллективный труд «Пределы роста. Доклад Римскому клубу» [Медоуз и др. 1991]. По их прогнозу человечество движется к катастрофе, предотвратить которую можно только сдерживанием роста производства и соответствующим изменением критериев прогресса. В качестве альтернативы была предложена стратегия нулевого роста.

За этой публикацией последовали другие. В 1987 г. в продолжение темы выходит в свет книга специалиста в области системного анализа из ФРГ Э. Пестеля «За пределами роста» [Пестель 1988], в которой, в отличие от стратегии Д. Медоуз, предложена стратегия ограниченного роста. Не оставили работу в этом направлении и авторы первого доклада Римскому клубу. Результаты их дальнейших исследований изложены в ряде публикаций, в числе которых книга «Пределы роста. 30 лет спустя», изданная в 2002 г. В предисловии к последнему изданию они написали: «Сначала пределы роста были делом отдаленного будущего. Сейчас они очевидны. Сначала глобальная катастрофа казалась чем-то непостижимым, нереальным, невозможным. Сейчас об этом рассуждают многие, хотя скорее как об отдаленной перспективе, некоей гипотетической возможности. Мы считаем, что примерно через 10 лет последствия выхода за пределы будут уже хорошо заметны, а через 20 лет общество открыто признает факт выхода за пределы». Сегодня этот прогноз уже не кажется алармистской фантазией.

За прошедшие с тех пор 15 лет появилось немало исследований, результаты которых подтверждают эти выводы для различных сегментов природной среды, критически важных для человека. «Стало совершенно очевидным, — пишет, например, российский ученый, доктор сельскохозяйственных наук Н.П. Максютенко, — что процессы деградации почв представляют одну из самых больших угроз экологическому благополучию не только человечеству, но и всему живому на Земле» [Максютенко 2014: 3]. При этом, по оценкам ООН, рост населения и изменение структуры потребления увеличат спрос на продовольствие до 2050 г. на 70—100% [Долинский, Габуев 2013]. Все большее беспокойство вызывает у мирового сообщества проблема дефицита пресной воды. Авторы одного из обстоятельных исследований этой острейшей проблемы уповают на глобальное управление водными ресурсами планеты и запасы, заключенные в ледниках Антарктиды [Бойкова, Крупникова 2010]. Вот только существует ли при нынешней экономической системе способ предотвратить «приватизацию» этого управления все теми же транснациональными корпорациями и международными финансовыми центрами к их собственной выгоде, и какое влияние на климат Земли окажет целенаправленное сокращение ее ледового покрова? Тем временем крупнейшие глобальные сельскохозяйственные компании, учитывая растущий спрос и сокращение ресурсов земли и воды, уже вкладывают миллиарды долларов в разработку технологий производства искусственного животного белка взамен натурального мяса¹.

Немногие эксперты обращают внимание на то, чего не замечать, казалось бы, уже невозможно: с падением Советского Союза, существование которого сдерживало взаимные притязания государств-оппонентов и ТНК, началась ожесточенная борьба за природные ресурсы. Карта мира меняется на глазах, множатся очаги военных действий. В обиход в различных сочетаниях входит слово «война» — информационная, экономическая, гибридная... Все это не может не породить целый ряд вопросов. Один из них — насколько конкурентоспособны демократии в условиях столь жесткого противостояния. Во всяком случае, только немногие страны, вставшие в последние десятилетия на путь демократизации, получили дополнительное преимущество в доступе к природным ресурсам.

Возникла и другая проблема, игнорировать которую становится все труднее. Возможно ли в принципе существование общества потребления (модель, обеспечивавшая процветание странам «золотого миллиарда» и сулившая экономический рост «второму» и «третьему» миру в XX столетии) в новой реальности,

¹ Singh S. Bill Gates and Richard Branson Back Startup that Grows «Clean Meat». — *Bloomberg*. 2017. Доступ: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-08-23/cargill-bill-gates-bet-on-startup-making-meat-without-slaughter> (accessed 07.10.2017).

поставившей человечество перед выбором: ограничить материальное потребление либо сократить население планеты? Существует лишь один способ радикального сокращения населения, и способ этот несовместим с провозглашаемыми Западом гуманистическими ценностями. А сокращение потребления материальных благ несовместимо с сущностью общества потребления.

Современная экономика основана на безграничном стимулировании потребления. Главная задача маркетологов эпохи Постмодерна, в отличие от прошлого столетия, состоит не в удовлетворении потребностей, а в их неустанном созидании. Усилители вкуса, ароматизаторы, обращенная к эмоциям реклама, технологии размещения товаров в супермаркете побуждают потреблять массу ненужных, а зачастую даже вредных предметов и услуг. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), от ожирения в странах, входящих в организацию, страдает 19,6% населения в возрасте от 15 лет. Лидируют США — 38,2%¹. Побуждение к потреблению дополняется и фактическим принуждением путем целенаправленного сокращения срока службы дорогостоящей техники и т.п. Вопрос о способности этой системы перейти модель даже не нулевого роста, предложенную Э. Пестелем, а ограниченного роста представляется риторическим.

Превращение ТНК и МФЦ в глобальных надгосударственных игроков не может не деформировать и политическую составляющую модели Модерна. В первую очередь это касается одной из ее базовых ценностей — представительной демократии. Суть демократии — это «кратос» «демоса», т.е. власть народа. Но в той степени, в которой государство утрачивает внешний суверенитет, доля власти, принадлежащая народу, сокращается. Получается, что граждане, вручая мандат на правление своему представителю — депутату или партии, уже не могут вполне рассчитывать на представительство своих интересов, а не интересов ТНК или МФЦ.

В то же время деформируется и сам источник власти над тем, что остается в распоряжении государства. Ведь народ — это не совокупность граждан. Это исторически сложившаяся в рамках страны объединенная общей исторической памятью и заложенными в сознании социальными ценностями общность, сплоченная чувством идентичности, связи собственной судьбы с судьбой страны. Радикальное ускорение хода истории в современную эпоху объективно затрудняет социальное наследование, опыт старшего поколения все меньше согласуется с миром, в который вступает молодежь. Между тем, как верно отмечал С.П. Капица, через механизм культурного наследования реализуется единственный специфический для нас способ развития человечества, ведущий к организации и самоорганизации общества [Капица 2004: 46]. Нарушение функционирования этого механизма влечет за собой деградацию подсистемы общества, которой Т. Парсонс отводил роль «воспроизводства образца», обеспечивающего согласованное поведение индивидов и интеграцию социальных систем [Парсонс 1998: 18]. Общие социальные ценности лежат в основе национально-государственной идентичности.

Разрушающее воздействие на национальную идентичность оказывают и другие объективные особенности наступившей эпохи, такие как медиатизация и глобализация социальных связей, глобальная массовая миграция. Расширяющееся пространство виртуальных взаимосвязей вытесняет реальные отношения из сознания людей, препятствует социализации и усвоению общих социальных ценностей и норм, цементирующих общественную систему. Следствием массовой иммиграции становится сосуществование либо столкновение разна-

¹ OECD obesity update 2017. — *OECD*. Доступ: <http://www.oecd.org/els/health-systems/obesity-update.htm> (accessed 07.10.2017).

правленных общественных норм, также подрывающее целостность социального организма.

В результате место народа все больше занимает население — совокупность индивидов, голосующих исходя из личного блага, не обремененных потребностью быть достойными памяти собственных предков и ответственностью за судьбу следующих поколений. Партия для таких индивидов — не ресурс, позволяющий эффективно отстаивать собственные идеи или интересы социальной группы, а организация, открывающая доступ к ресурсам, обеспечивающим общественный статус и доход. На выборах они проголосуют не за партию или кандидата, которые наилучшим образом послужат на благо страны и грядущих поколений, а за тех, кто обещает и способен создать условия безбедного существования этих индивидов «здесь и сейчас».

Проблема усугубляется еще и тем, что информационное общество, предоставившее в XXI в. невиданные прежде возможности глобальной коммуникации, породило и новое противоречие — между обществом, производящим информацию, и потребляющим ее человеком, теряющим возможность адекватно соотносить себя как с окружающей средой, так и с самим собой. Происходит подмена реальных социальных контактов виртуальными. В результате все более массовый характер приобретает социальный аутизм, крайним проявлением которого являются случаи суицида, совершаемого из стремления заслужить социальное одобрение виртуальной среды. Особенностью личности Постмодерна, открытой для избыточной информации, становится неглубокое проникновение в суть происходящего, в т.ч. в политической сфере, реальный мир все больше вытесняется разрастающимся миром виртуальных образований. В результате индивид утрачивает способность адекватно судить и о «личном благе», и о собственных интересах.

Объективный процесс медиатизации общественных связей, усложняющей проблему социализации, усугубляется целенаправленной политикой мягкой силы, или гибкой власти (*soft power*). Суть соответствующей концепции откровенно сформулировал ее автор — бывший председатель Национального разведывательного совета и замминистра обороны США, ныне профессор Гарвардского института государственного управления Джозеф Най: продвижение страной собственных ценностей и на этой основе влияние на «поведение» других стран [Най 2006]. Так возникает еще одна проблема политического представительства: гражданин голосует не только в собственных интересах, а действующий от его имени политик принимает решения не только в интересах избирателей — вольно или невольно оба они действуют под влиянием субъекта «гибкой власти».

Наконец, утрачивают исходный смысл и процедуры политического представительства интересов. Оторванный от реальных общественных отношений, человек не имеет достоверного представления и о тех партиях и кандидатах, которых он наделяет правом принимать решение от своего имени, в своих интересах. Он голосует за их образы, формируемые в соответствии с потребностями избирателя и поставляемые Интернетом и средствами массовой информации. Французский социолог Ж. Бодрийяр называл их симулякрами. Примечательно, что уже более 40 лет назад, когда возможность использования Интернета для манипулирования общественным сознанием трудно было даже представить, он констатировал превращение выборов в фикцию [Бодрийяр 2000]. Правы во многом те политики, которые обрушивают в этой связи критику в адрес политтехнологов, однако при этом сами они не отказываются от их услуг.

Вот почему все меньше и меньше мы можем, как в эпоху Модерна, говорить о том, что кресла в парламентах, выборные государственные должности занимают представители значимых социальных групп либо общества в целом. В при-

мер можно привести не только Россию. В январе 2015 г., пообещав избирателям покончить с диктатом европейских кредиторов, в Греции приходит к власти левая партия СИРИЗА, после чего ее лидер Алексис Ципрас, став премьер-министром, практически немедленно принимает условия кредиторов. Во Франции при парламенте, контролируемом социалистами, и при президенте-социалисте в 2016 г. принимается антирабочий закон о труде, против которого выступили 70% французских граждан¹. При этом чем выше уровень государственного органа, чем дальше он от простых людей, тем меньше шансов на то, что в нем работают люди, реально представляющие интересы избирателей.

Итак, государственная власть постепенно утрачивает суверенитет, на нее не без успеха претендуют могущественные транснациональные корпорации. Место народа как источника не занятого ТНК сегмента государственной власти все больше занимает население. Механизм представительства интересов все больше превращается в ритуал, а выборы — в механизм манипулирования массовым сознанием в целях получения и легитимации власти.

Таким образом, и в политике, и в экономике на смену привлекательной модели общества Модерна пришла модель Постмодерна, функционирующая по совершенно иным правилам. Желание внедрить ценности Модерна в современную общественную практику равносильно попыткам идти вперед, повернув голову назад. А государства, демонстрирующие стремление навязать эти ценности другим обществам, пытаются в соответствии с рецептами Дж. Ная подчинить эти общества своим интересам.

Нельзя сказать, что проблема кардинальных изменений на рубеже веков осталась не отрефлексированной в научном сообществе. Например, американский социолог и политолог Р. Инглхарт интерпретирует переход к обществу Постмодерна как широкую культурную перемену, перестройку системы ценностей в широком диапазоне, включающую и «сдвиг от материалистических к постматериальным ценностям», и изменение гендерных ролей, отношения к геям и лесбиянкам. По его мнению, с переходом от модернизации к постмодернизации происходит переход от максимизации экономического роста к максимизации качества жизни [Инглхарт 1997]. Проблема, однако, в том, что реализовать такой переход могут позволить себе лишь общества, уже осуществившие модернизацию и завершившие тем самым индустриализацию, решившие в результате материальные проблемы своих граждан. Всем же остальным (а таковых большинство) для выхода на уровень материального благополучия «золотого миллиарда» необходим экономический рост, возможности которого ограничены «пределами роста». Достаточно сказать, что соотношение среднего дохода жителей богатейших стран мира к самым бедным возросло с 9 : 1 в конце XIX в. до 60 : 1 к концу XX [Birdsall 1998]. В то время как население стран «золотого миллиарда» страдает от ожирения, более 800 млн жителей Земли умирают от голода². Иными словами, перераспределения ресурсов не избежать. Присутствуют ли в культурном пространстве Постмодерна ценности альтруизма, Р. Инглхарт умалчивает. А без этого «постмодернизацию» в том виде, как он ее себе представляет, невозможно рассматривать как общемировую тенденцию.

Представляется очевидным, что ставшее в XX в. общепринятым понятие политической модернизации как перехода от традиционного общества к современной западной модели политического устройства не вполне соответствует новым

¹ Добров Д. Франция бастующая: борьба за право не работать. — *РИА Новости*. 17.04.2016. Доступ: <https://ria.ru/analytics/20160407/1404417731.html> (проверено 07.10.2017).

² В ООН подвели окончательные итоги достижения целей развития тысячелетия. — *Центр новостей ООН*. 06.07.2015. Доступ: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=24051&Kw1=%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4&Kw2=&Kw3=#.WaMBtdFLdEY> (проверено 07.10.2017).

реалиям, становится неконструктивным. Такие ситуации в науке не редкость, и чтобы преодолеть возникающее затруднение, необходимо присмотреться к понятию и выйти на более высокий уровень обобщения.

На самом деле в приведенном и общепринятом понятии политической модернизации нетрудно обнаружить два изъяна. Первый — его внеисторичность. Ведь если учесть, что политическая модернизация есть частный случай модернизации вообще, под модернизацией придется понимать всякий переход к современной западной модели общественного устройства — экономического, социального, духовного. Но в таком случае применение понятия модернизации становится некорректным по отношению к социальным изменениям, реализованным, например, в России Петром I, Столыпиным, большевиками и т.п.

Этот дефект преодолен в определении, которое дали политической модернизации авторы независимого экспертного доклада, представленного Институту современного развития в 2009 г. Политическую модернизацию они определили как «процесс формирования в рамках данного государства и в заданных исторических обстоятельствах общества модерна» [Пономарев и др. 2016]. Здесь содержание цели модернизации, создания общества Модерна меняются в зависимости от того, какое общество в данных исторических обстоятельствах берется за образец и считается «современным».

Но здесь возникает новая проблема. В каждый момент истории любое общество является, строго говоря, современным. Понятно, однако, что авторы имели в виду не любое. Подразумевается общество, в котором реализован наиболее успешный проект, или модель, дающая ему преимущество перед остальными, отсталыми и служащая для них образцом. И тогда в разные исторические эпохи образцом могут служить различные модели социального устройства, реализованные в разных странах.

Уточнив соответствующим образом понятие модернизации и понимая под модернизацией формирование в рамках данного государства и в заданных исторических обстоятельствах общества, социальное устройство которого соответствует успешному образцу, мы снимем все проблемы, о которых сказано выше. Становится ясно, что западное общество, сформировавшееся во второй половине XX столетия как привлекательный образец, проект, основанный на развитии индустриального технологического укладе, рыночной модели неограниченного роста потребления и представительной демократии, не только исчерпало свой лидерский потенциал, но и подвело человечество к опасной черте.

Остается, правда, открытым другой вопрос: а какое общество может служить образцом сегодня, в эпоху Постмодерна? Китай? Сингапур? Россия?

Ответа пока нет. В этом отношении нельзя не согласиться с известным американским социологом И. Валлерстайном. «Мы не знаем, какой тип исторической системы придет на смену ныне существующему, — считает он. — Но мы наверняка знаем, что та своеобразная система, современниками которой мы являемся, система, в которой государства играли ключевую роль в обеспечении безграничного накопления капитала, не способна более функционировать» [Валлерстайн 2004: 104]. Неоспоримым представляется лишь одно: в условиях исчерпания ресурсов образцом может стать только общество, ориентированное на рост потребления прежде всего духовных, а не материальных благ; общество, в котором критерием личного успеха и высокого социального статуса будет духовное богатство, а не число предметов роскоши. В этом смысле можно согласиться и с Р. Инглхартом, ищущим ответ в сфере культуры, если под постматериальными ценностями понимать ценности духовные, а под качеством жизни — их доступность и качество.

Можно с высокой степенью достоверности предположить, что таким условиям

в большей степени соответствуют восточные цивилизации. Примечательно, что, согласно упоминавшемуся выше исследованию ОЭСР, список стран, население которых страдает от ожирения, замыкают страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Это Япония (3,7% взрослого населения), Индия (5,0%), Корея (5,3%), Индонезия (5,7%) и Китай (7,0%)¹. Фактор культуры здесь, разумеется, не единственный, но полностью отрицать его значимость было бы неправильным. Нельзя исключить, что новым привлекательным образцом может стать китайская модель, демонстрирующая сегодня преимущества в экономической сфере.

Не утратила свой шанс и Россия. Нет сомнений, что страна остро нуждается в изменениях. Нужно, однако, не искать готовые образцы для подражания и не следовать рецептам заинтересованных в наших ресурсах сторон, а идти собственным цивилизационным путем, опираясь на уникальные природные ресурсы и не растраченный пока духовный потенциал. Это путь первичной модернизации в принципиально новых условиях эпохи, которую называют эпохой Постмодерна. У России есть все для того, чтобы стать обществом модерна в исторических обстоятельствах XXI в.

Список литературы

- Бодрийяр Ж. 2000. *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет. 387 с.
- Бойкова М.В., Крупникова Д.Б. 2010. Глобализация ресурсов пресной воды: инновационная стратегия управления. — *Форсайт*. Т. 4. № 2. С. 4-17.
- Валлерстайн К. 2004. *Конец знакомого мира: Социология XXI века* (пер. под ред. В.И. Иноземцева). М.: Логос. 368 с.
- Войтоловский Ф.Г. 2005. Механизмы косвенного влияния ТНК на принятие внешнеполитических решений в США: истоки и современность. — *ТНК в мировой политике и мировой экономике: проблемы, тенденции, перспективы*. М.: ИМЭМО РАН. 128 с.
- Долинский А., Габуев А. 2013. Корпоративные войны. — *Коммерсант*. 13 мая.
- Инглхарт Р. 1997. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 6-32.
- Капица С.П. 2004. Глобальная демографическая революция и будущее человечества. — *Новая и Новейшая история*. № 4. С. 42-54.
- Кочетков А.П. 2015. Национальное государство в условиях глобализации. — *Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы*. М.: Аспект Пресс. С. 375 с.
- Максютенко Н.П. 2014. Введение. — *Система оценки и нормирования антропогенной нагрузки для формирования экологически сбалансированных агроландшафтов: коллективная монография* (под общ. ред. Н.П. Максютенко). Курск: Изд-во ВНИИЗиЗП. 187 с.
- Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рэндерс Й., Беренс III В. 1991. *Пределы роста* (пер. с англ.; предисл. Г.А. Ягодина). М.: Изд-во МГУ. 208 с.
- Най Дж.С. 2006. *Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике* (пер. В.И. Супруна). Новосибирск; М.: ФСПИ «Тренды». 224 с.
- Парсонс Т. 1998. *Система современных обществ* (пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева под ред. М.С. Ковалевой). М.: Аспект Пресс. 270 с.
- Пестель Э. 1988. *За пределами роста* (пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. Д.М. Гвишиани). М.: Прогресс. 272 с.
- Пономарев И., Ремизов М., Карев Р., Бакулев К. 2016. Модернизация России как построение нового государства. — *Агентство политических новостей*. Доступ: <http://www.apn.ru/publications/article22100.htm> (проверено 07.10.2017).

¹ OECD obesity update 2017. — *OECD*. Доступ: <http://www.oecd.org/els/health-systems/obesity-update.htm> (accessed 07.10.2017).

Сухаревская А. 2014. Китайская экономика официально стала крупнейшей в мире — РБК. 08.10.2014. Доступ: <http://www.rbc.ru/economics/08/10/2014/5434f48dcbb20faeeafe2a0a> (проверено 07.10.2017).

Birdsall N. 1998. Life is Unfair: Inequality in the World. — *Foreign Policy*. No. 111 (Summer).

Elbel F. 2017. The secretive sovereignty-subverting Trans-Pacific Partnership is dead — but TISA and CETA still threaten. — *Colorado Alliance for Immigration Reform*. 14.02. Доступ: <http://www.cairco.org/highlights/secretive-sovereignty-subverting-trans-pacific-partnership> (accessed 07.10.2017).

Patton M. 2016. China's Economy Will Overtake the U.S. in 2018. — *Forbes*. 29.04.2016. Доступ: <https://www.forbes.com/sites/mikepatton/2016/04/29/global-economic-news-china-will-surpass-the-u-s-in-2018/#3cad7402224a> (accessed 07.10.2017).

Trump to withdraw from Trans-Pacific Partnership on first day in office. 2016. — *The Guardian*. 22.11. Доступ: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/nov/21/donald-trump-100-days-plans-video-trans-pacific-partnership-withdraw> (accessed 07.10.2017).

SHABROV Oleg Fedorovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Professor; Head of the Chair of Political Science and Political Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; oshabr@mail.ru), President of the Academy of Political Science

MODERNIZATION IN THE POSTMODERN ERA

Abstract. The article deals with the problem of modernization in the new historical conditions that arose at the turn of the 20th and 21st centuries. This is a struggle for world hegemony between the United States and emerging China, the growing ambitions of transnational corporations and international financial centers, the depletion of natural resources, the transformation of elections from the institution of political representation of interests into a mechanism for manipulating the public conscience and the way to legitimize political power. The author clarifies the notion of political modernization and concludes that under the prevailing conditions in the postmodern era western society, formed in the second half of the 20th century as an attractive model, not only exhausted its leadership potential, but also brought humanity to a dangerous line. The Chinese model can become a new attractive model of a modern society of the 21st century. Russia is also able to go through a new primary modernization.

Keywords: modern society, modernization, postmodern, natural resources, transnational corporations, consumer society, information society, democracy, culture
